

мировым мифологическим наследием, роман не вызовет отторжения, связанного с необходимостью обладать определенным знанием о природе прочитанного, сюжет и персонажи органично вписываются в современные реалии. Что касается искушенного, образованного читателя, то он воспримет роман на качественно ином уровне, ориентируясь на многочисленные символы и аллюзии, и будет способен по-своему интерпретировать сюжет. Таким образом, роман «Американские боги», основанный на принципах традиционного художественного мифологизма, апеллирует не только к образованному читателю, но и к массовому потребителю, представляя собой интересный пример адаптации «высокой» культуры к культуре «массовой».

Список литературы

- Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Academia, 2001. – 202 с.
- Gaiman N. American Gods / N. Gaiman. – New York : Harper Torch, 2002. – 592 pp.
- Gaiman N. Meet the Writers / N. Gaiman. – 2011 [electronic resource]. – Mode of access: <http://www.youtube.com/watch?v=5fVNHhOCsi-0> (дата обращения: 28.12.2012).
- MacDonald D. A Theory of Mass Culture / D. MacDonald // Mass Culture / ed. B. Rosenberg and D. White. – Glencoe, Ill, 1957. – Pp. 59-73.

СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТА В СКАЗКАХ КЭНДЗИ МИЯДЗАВЫ

М.Д. Аюпова

Научный руководитель: В.И. Пинковский,
доктор филологических наук, профессор (СВГУ)

Литературная сказка как отдельное явление выделилась еще в прошлом столетии и «давно стала полноправным литературным жанром» [Неелов 1987: 20]. Она находится на стадии активного развития, однако до сих пор не существует четкого понимания ее жанрового своеобразие.

Вышедшая из сказки фольклорной, современная авторская сказка весьма свободна в выборе материала и формы. Но даже на фоне весьма разнообразных литературных сказок выделяются своей необычностью философско-религиозные произведения японского сказочника Кэндзи Миядзавы (1896-1933). Сказки этого писателя непривычны тем, что в них как будто отсутствует обязательный для этого жанра конфликт между добром и злом. Такое впечатление создается потому, что во многих произведениях Миядзавы трудно выделить так называемых «отрицательных героев».

Например, камни из сказки «Добродушная вулканическая бомба»

насмехались над Коровой (положительный персонаж), но «им просто хотелось повеселиться, ничего дурного они в уме не держали» [Миядзава 2010: 102]. Или великан из сказки «Волчий лес, лес бамбуковой корзины и воровской лес», укравший у крестьян просо, тоже оказывается в конце концов не злодеем, а просто любопытным, которому захотелось самому попробовать сделать просяные моти (род лепешек).

Эта особенность сказок Миядзавы затрудняет понимание его произведений: похожие по составу персонажей на сказки для детей, тексты японского писателя словно далеки от осуществления воспитательной роли сказки, ведь, проходя через определенные испытания, созданные именно отрицательными героями, в конце сказки главный герой становится более нравственным, подавая таким образом пример своим читателям.

Можно предположить, что изображение бесконфликтного мира воплощает мечту писателя о гармоническом существовании. Дело в том, что Кэндзи Миядзава был сторонником буддийской школы Нитирэн, основанной на принципах так называемой «Лотосовой сутры». Учение этой школы, если отвлечься от деталей, может быть охарактеризовано как учение «легких практик» для открытия в себе адептами Нитирэн природы будды, то есть становления в качестве бодхисаттв. Учитывая, что в этой школе особенно сильно неприятие рационалистического взгляда на мир и повышено тяготение к мифомагическим представлениям, мы можем в какой-то степени объяснить и приверженность Миядзавы к жанру сказки, и создание им в своих произведениях идеализированного мира.

В представлениях последователей «Лотосовой сутры» определяющим является не противостояние миру, но борьба с самим собой. Вот почему часто в сказках Миядзавы «обвиняемыми» оказываются не носители злого начала, а пострадавшие. Так, например, два охотника в сказке «Ресторан у дикого кота» чуть не стали обедом для дикого кота, но произошло это из-за глупости и самонадеянности героев. Конфликт в подобных сказках японского писателя разворачивается не по привычной для носителя европейской литературной культуры линии противостояния отрицательных и положительных героев, а лежит в иной плоскости — столкновения присущих автору представлений о должном и неправильного поведения персонажей. То есть конфликт фактически не присутствует в сюжете.

Даже если конфликты некоторых сказок могут показаться традиционными в европейском понимании, за ними все же стоит характерно буддийское мировоззрение. Так, в сказке «Звезда козодоя» Сокол угрожает Козодою, прозванному «ночным соколом», расправой, если тот не сменит свое имя, остальные птицы насмеются над Козодоем,

он одинок, все это вынуждает его подняться высоко в небо, после чего Козодой замертво падает вниз, в то же время становясь звездой на небосклоне. В понимании европейца герой погибает под воздействием зла, по логике автора-японца – использует воздействие неблагоприятных факторов для воплощения своей сути (ведь теперь никто не может подвергнуть сомнению, что Козодой – «ночной сокол», даже еще выше по своему статусу, как ночное небесное светило выше всех птиц).

Сказки Кэндзи Миядзавы, такие обманчиво простые по форме и содержанию, позволяют постигнуть специфику непривычной для европейца культуры. Внешние черты этой культуры даны через образность сказок, ее суть – через особенности конфликта в произведениях японского писателя.

Список литературы

- Миядзава К.* Звезда козодоя / К. Миядзава ; пер. с яп. Е.А. Рябовой. – СПб. : Гиперион, 2009. – 376 с.
- Миядзава К.* Недетские сказки Японии / К. Миядзава ; пер. с яп. О. Штык. – М. : Мир детства Медиа, 2010. – 80 с.
- Неелов Е.Н.* Сказка, фантастика, современность / Е.Н. Неелов. – Петрозаводск, 1987. – 275 с.

«ВАМПИРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ»: АКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ САГИ СТЕФАНИИ МАЙЕР «СУМЕРКИ»)

Т.И. Хоруженко

*Научный руководитель: Е.Е. Приказчикова,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Немногим больше ста лет назад английский писатель Брэм Стокер создал текст, легший в основу «вампирического нарратива». История о Дракуле стала толчком к развитию темы вампиров в массовой культуре – кино, живописи и литературе. Социолог-литературовед Дина Хапаева не без иронии называет вампира «героем нашего времени» [Хапаева 2011].

Исследовательница отмечает, что «обстановку в культурных исследованиях (cultural studies) и литературной критике вполне можно охарактеризовать как вампирский поворот. Изучение вампиров в последние годы стало вполне самостоятельной отраслью гуманитарного знания. В большинстве случаев исследователи рассматривают вампира как симптом экономического, социального, расового, этнического или гендерного неравенства. Вампир может выступать выражением имперского угнетения или гнета политической власти, неравноправия перед лицом государства, а также выразителем социальной, культурной и